

Отзыв официального оппонента

кандидата философских наук, доцента кафедры философии
федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования Санкт-Петербургского государственного
электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)
Прокофьевой Дианы Владимировны на диссертацию **Белкина Василия
Владимировича «Правовой нигилизм в оптике теории отчуждения
человеческой сущности: социально-философский анализ»**,
представленную на соискание ученой степени кандидата философских
наук по специальности 5.7.7 – социальная и политическая философия.

Актуальность избранной темы исследования. Диссертационное исследование В. В. Белкина посвящено правовому нигилизму как социально-философскому феномену, связанному, по мысли автора, с отчуждённым характером права и глубоким расколом родовой и индивидуальной сущности человека. Выбор темы представляется своевременным, – кризис доверия к правовым институтам, селективное правоприменение, ослабление международного правопорядка, экологические противоречия, платформенная власть и превращение алгоритмов в фактических регуляторов поведения требуют философского осмысления, выходящего за пределы описания отдельных нарушений закона или деформаций правосознания.

Автор исходит из того, что правовой нигилизм не является ситуативной девиацией, а сопровождает право на протяжении истории (с. 61). В отличие от подходов, связывающих данный феномен преимущественно с правосознанием и правовой культурой, диссертант стремится перенести объяснение в сферу общественного бытия и выявить онтологические основания устойчивости правового нигилизма. Такая постановка вопроса, независимо от отношения к избранной материалистической парадигме, обладает значительным эвристическим потенциалом: автор не ограничивается классификацией проявлений правового нигилизма, а предлагает объяснение его генезиса, исторической воспроизводимости и современных трансформаций.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций. Цель работы состоит в раскрытии сущностных оснований и исторических форм правового нигилизма в национальном и международном праве на основе методологии теории отчуждения (с. 15). В соответствии с целью исследования автор определяет пять задач. Реализация поставленной

цели и решение задач определили структуру диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих пять параграфов, заключения и библиографического списка. Библиографический список включает 285 наименований.

В первой главе «Правовой нигилизм как феномен отчуждения: онтология и исторические формы» формируется теоретический каркас исследования. Автор рассматривает человеческую сущность как единство всеобщего, особенного и единичного, раскрывает соотношение родовой и индивидуальной сущности, анализирует догосударственную нормативность и связывает возникновение права и правового нигилизма с переходом к обществу отчуждённого труда. Существенно, что право и его отрицание рассматриваются не как независимые друг от друга явления, а как взаимосвязанные результаты одного исторического процесса.

Во второй части первой главы автор вводит категорию «легитимационного разрыва» (с. 57) и на её основе последовательно анализирует античную, феодальную и буржуазную формы нигилизма, демонстрируя эволюцию способов отрицания права. Достоинством этой части является стремление соединить историко-философский материал с единой объяснительной схемой, а не ограничиться последовательным перечислением эпох и учений. Особый интерес представляет § 1.3, посвящённый новым формам правового нигилизма в условиях позднего капитализма и цифровизации. Автор обращается к противоречию между общественной природой знания и механизмами его частного присвоения, анализирует природоохранный и корпоративный нигилизм, а затем рассматривает цифровизацию и алгоритмическую власть. Наиболее перспективной представляется интерпретация алгоритмического, или цифрового, нигилизма как технологически встроенного вытеснения правовой нормативности машинной логикой. Данный анализ позволяет поставить важные вопросы о сохранении правосубъектности, возможности апелляции к алгоритмическому решению и границах замещения права техническим кодом.

Вторая глава «Правовой нигилизм как выражение отчуждённой человеческой сущности в сфере международных отношений» переносит разработанную модель на уровень межгосударственного взаимодействия. Здесь суверенитет интерпретируется автором как внешнее проявление государства, понимаемого в качестве отчуждённой формы родовой сущности (с. 147); вводятся категории «отчуждения второго порядка», международно-правового «легитимационного разрыва», «инструментального нигилизма

сильных» и «нигилизма бессилия слабых» (с. 148). Далее рассматриваются основные направления западной теории международного права и значительный историко-правовой материал — от ранних форм межгосударственного общения до Вестфальской системы и международного права XX в. Правовой нигилизм анализируется как индикатор системного кризиса международного права в эпоху глобального капитализма. Автор связывает ослабление национального суверенитета и селективное использование международно-правовых норм с интересами транснационального финансового капитала, развивая понятие «отчуждения третьего порядка». Хотя ряд оценок в этой части имеет выраженный мировоззренческий и дискуссионный характер, заслуживает внимания сама попытка дать единую социально-философскую интерпретацию связи между неравенством государств, инструментализацией международного права и кризисом его легитимности.

Достоверность и научная новизна полученных результатов. Работа носит преимущественно теоретический характер, поэтому обоснованность её результатов определяется последовательностью категориального анализа, репрезентативностью привлечённого историко-философского материала и сопоставлением предложенной концепции с существующими подходами. Автор демонстрирует знание значительного круга отечественных и зарубежных исследований и проводит избранную методологическую линию через обе главы. Вместе с тем степень проверки универсальности модели требует более осторожной оценки, о чём будет сказано в замечаниях.

Научная новизна исследования связана прежде всего с последовательным рассмотрением правового нигилизма как феномена общественного бытия, укоренённого в отчуждении, а не только как дефекта правосознания; с выявлением корпоративной, природоохранной и технологически встроенной форм правового нигилизма; с различением инструментального нигилизма сильных государств и нигилизма бессилия слабых в международном праве (с. 159–160). Наиболее оригинальным и актуальным результатом следует признать концептуализацию алгоритмического нигилизма, фиксирующую переход от сознательного отрицания правовой нормы к её незаметному вытеснению дизайном цифровой среды, кодом и автоматизированным решением.

Теоретическая и практическая значимость результатов. Теоретическое значение диссертации состоит в предложении целостной социально-философской интерпретации правового нигилизма, а также

категориального аппарата, позволяющего сопоставлять его исторические и современные формы. Материалы исследования могут быть востребованы в дальнейшей разработке проблем отчуждения, легитимности, правовой нормативности, суверенитета и алгоритмической власти. Наиболее убедительно обоснована образовательная применимость результатов: они могут использоваться в курсах социальной и политической философии, философии права, социальной антропологии и теории государства и права.

Оценка содержания диссертации и её завершенности. Диссертация представляет собой самостоятельное, завершенное исследование, объединённое общей методологической установкой. Основные положения исследования получили апробацию в докладах на научных конференциях и отражены в публикациях автора по теме диссертации, в том числе в рецензируемых научных изданиях. Это позволяет заключить, что результаты работы были представлены профессиональному сообществу и прошли необходимое научное обсуждение.

Замечания, дискуссионные положения и недостатки диссертации. При общей положительной оценке работы необходимо высказать следующие замечания.

1. Методологического обоснования требует категория «объективной родовой воли». Автор связывает надындивидуальную волю с философией Гегеля (прим. 33 на с. 34), первичную коллективность – с концепцией Б. Ф. Поршнева (с. 10–11), а её содержание – с марксовской родовой сущностью человека (с. 24–27). Однако эти теоретические основания решают разные задачи и не образуют единой концепции без специального обоснования переходов между ними. В диссертации под родовой волей попеременно понимаются потребность в самосохранении и воспроизводстве, объективная тенденция исторического развития, коллективный интерес и нормативный идеал свободного развития каждого индивида (с. 28–29, 35, 51, 53, 58–60, 230). Остаётся неясным, каким образом человеческий род приобретает свойства единого субъекта воли и на каком основании свободное развитие каждого индивида устанавливается как её объективное содержание, а не как ценностная позиция исследователя.
2. Представляется, что данное во введении определение правового нигилизма как системного отрицания ценности и легитимности права (с. 3) не в полной мере отражает объём авторского понятия, который раскрывается в дальнейшем изложении. Проведённый историко-философский анализ позволяет автору выявить различные модификации данного феномена, а

применительно к современному обществу – природоохранную, корпоративную и технологически встроенную формы правового нигилизма (с. 98, 121–122, 130–133). Было бы целесообразно уже при формулировке исходного определения уточнить, что системное отрицание права может выражаться не только в прямом отрицании его ценности или легитимности, но и в гипертрофированном либо инструментальном использовании правовой формы, систематическом подчинении правовой регуляции частным интересам, неприменении действующих норм, а также в технологически опосредованном вытеснении правовых принципов. Это позволило бы с самого начала яснее обозначить содержание и границы развиваемой автором концепции.

3. В § 2.1 значительный объём занимает историко-юридическое и доктринальное описание становления международного права, тогда как собственно социально-философское разграничение центральных категорий – отчуждённого суверенитета, отчуждения второго порядка и легитимационного разрыва – проводится менее подробно. В частности, остаётся непрояснённым содержание категории «отчуждение второго порядка». На с. 154 автор сначала пишет, что государство вынуждено частично отчуждать свой суверенитет в пользу системы межгосударственных отношений, а затем утверждает, что суверенитет не может быть вторично отчуждён в пользу наднациональных институтов без радикальной трансформации всей системы общественных отношений. На с. 157 второй уровень отчуждения вновь описывается как частичное отчуждение суверенитета. Здесь необходимо яснее разграничить отчуждение суверенитета, ограничение его осуществления, делегирование отдельных полномочий и принятие международно-правовых обязательств.
4. Ряд утверждений автора о степени апробации модели и её практической применимости представляется более сильным, чем позволяют полученные результаты. На с. 203 говорится, что исторический материал «не просто иллюстрирует, но и верифицирует» предложенную модель, а на с. 235–236 – что её апробация осуществлялась преимущественно на материале европейской и отечественной истории. Применение модели к отобранному историческому материалу может рассматриваться как её первичная апробация и демонстрация объяснительных возможностей, но ещё не верифицирует её универсальность. На ограниченность проведённой проверки указывает и сам автор, связывающий верификацию универсальности модели с её будущим применением к незападным правовым культурам (с. 236).

Точнее было бы говорить о применении модели преимущественно к материалу европейской и отечественной истории. Аналогичного уточнения требует практическая значимость результатов. Введённые автором категории могут рассматриваться как концептуальные инструменты анализа, однако заявленная на с. 18 возможность использования модели «легитимационного разрыва» для экспертизы законодательных инициатив не подкреплена специальной процедурой, системой показателей или критериями такой экспертизы. В заключении сформулированы преимущественно общие направления практического применения (с. 234–235). Поэтому точнее было бы говорить об эвристическом потенциале разработанного категориального аппарата и о возможной основе для последующей разработки практических методик.

5. В ряде фрагментов автор переходит от научного анализа к ярко публицистическому и идеологически окрашенному изложению. Проблема состоит не в наличии у автора определённой ценностной позиции как таковой, а в том, что оценочная формула иногда подменяет аргумент и ведёт к утрате необходимой аналитической дистанции. Таковы выражения «коррупционный угар» (с. 4), «потёртого в конспирологических дискуссиях» и «хищные устремления европейского капитала» (с. 200), «за кажущимся пафосом красивых слов о праве и гуманизме» (с. 210), «нагло и цинично», «инфантилизм» (с. 216), «Глобальному капиталу нужны беспомощные протектораты, управляемые компрадорской подконтрольной “элиткой” — птенцами гнезда Сороса» (с. 218). Несмотря на проведённую техническую корректировку, текст диссертации по-прежнему нуждается в дополнительной научной и литературной редакции. В нём сохраняются грамматические, синтаксические и пунктуационные ошибки, опечатки, незавершённые конструкции, библиографические неточности и содержательные повторы: «Правовой нигилизм является системным свойство международного права» (с. 17), «в отечественной науке мысли» (с. 21), и др. Практически дословно повторяется характеристика корпоративного правового нигилизма на с. 121–122 и 133–134.

В качестве пожелания автору следует рекомендовать более пристальное обращение к трудам современных отечественных исследователей марксистской философии, в частности К. Н. Любутина, А. А. Коряковцева и С. В. Вискунова непосредственно относящимся к проблемам философской антропологии К. Маркса, отчуждения и современного состояния марксистской теории. К. Н. Любути́н упомянут на

с. 8, однако его фамилия включена в явно испорченную последовательность: «К. Н. Я. И. Кузьминов, Любутин»; конкретные работы исследователя не названы и в библиографическом списке отсутствуют.

Указанные замечания позволяют задать автору следующие вопросы:

1. Каким образом в диссертации осуществляется переход от гегелевской категории всеобщей воли к материалистически понимаемой «объективной родовой воле»? Какие элементы гегелевской концепции автор сохраняет, от каких отказывается и что выступает материальным субъектом и носителем родовой воли?
2. Если право возникает и существует как отчуждённая нормативная форма, каков статус предполагаемой автором будущей неотчуждённой нормативности: остаётся ли она правом или представляет собой иной способ социальной регуляции? Не возникает ли противоречие между исходным пониманием права и понятием «неотчуждённого права»?
3. Предложенная на с. 144 стратегия преодоления цифрового отчуждения строится преимущественно вокруг права на отключение, сохранения аналоговой инфраструктуры и создания «цифровых убежищ». Считает ли автор возможным сохранение свободы и правовой субъектности внутри цифровой среды – посредством человеческого контроля, прозрачности алгоритмов, возможности апелляции и контроля над персональными данными?

Заключение. Высказанные замечания имеют дискуссионный и редакционный характер, не ставят под сомнение основные результаты исследования и не снижают его общей положительной оценки. Они могут стать предметом обсуждения на защите и учитываться автором в дальнейшей научной работе. Диссертация Белкина Василия Владимировича «Правовой нигилизм в оптике теории отчуждения родовой сущности человека: социально-философский анализ» является завершённой самостоятельной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития социальной и политической философии. Работа обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора в разработку избранной проблемы. Работа соответствует требованиям, установленным пунктами 9–11, 13 и 14 Положения о присуждении учёных степеней, утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения учёных степеней» (с последующими изменениями),

а её автор, Белкин Василий Владимирович, заслуживает присуждения учёной степени кандидата философских наук по специальности 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки).

«25» августа 2026 г.

Отзыв составила:

Кандидат филос. наук, доцент
кафедры философии Санкт-Петербургского
государственного электротехнического
университета «ЛЭТИ» им.
В. И. Ульянова (Ленина)

ЗАВЕРЯЮ:
М. В. СОКОЛОВА
2026

Д. В. Прокофьева

Сведения об официальном оппоненте

по диссертации Белкина Василия Владимировича «Правовой нигилизм в оптике теории отчуждения родовой сущности человека: социально-философский анализ», представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.7. — Социальная и политическая философия.

Фамилия, имя, отчество официального оппонента	Прокофьева Диана Владимировна
Ученая степень, обладателем которой является официальный оппонент, и наименование отрасли науки, научных специальностей, по которым им защищена диссертация	Кандидат философских наук, специальность 09.00.11 — Социальная философия
Полное наименование организации, являющейся основным местом работы официального оппонента на момент представления им отзыва в диссертационный совет и занимаемая им в этой организации должность (в случае осуществления трудовой деятельности)	Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) (г. Санкт-Петербург.), доцент кафедры философии

Список основных публикаций официального оппонента по теме диссертации соискателя в рецензируемых научных изданиях за последние 5 лет.

Прокофьева Д. В. Роль философии в формировании ценностей человека современного российского общества // Информация–Коммуникация–Общество. 2021. С. 85–91.

Прокофьева Д. В. Человек в период социальной турбулентности: экзистенциальные аспекты // Информация–Коммуникация–Общество. 2022. С. 264–276.

Прокофьева Д. В. Проявления политического отчуждения: социально-философский подход // Информация–Коммуникация–Общество. 2023. Т. 1. С. 321–325.

Прокофьева Д. В. Тема солидарности в концепции вовлечения: идеи Э. Мунье // Солидарное общество как идеал и проект: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редакторы Р. Х. Лукманова, И. В. Фролова. Уфа, 2023. С. 36–42.

Прокофьева Д. В. Женщина в современном обществе потребления: проявления гендерного аспекта проблемы отчуждения // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 2. – С. 76–86.

Прокофьева Д. В. Социальные аспекты отчуждения человека // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2024. № 15. С. 110–115.

Прокофьева Д. В. Проблема экзистенциального отчуждения и пути его преодоления. Дискурс. 2025; 11(4):28–37. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-4-28-37>.

/ Д. В. Прокофьева